

УДК 34.1

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА

Креминский А. И.

СТРУКТУРА И ОСОБЕННОСТИ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Ни одна отрасль научного знания не может существовать и развиваться без методологической базы. Методология составляет необходимую часть всякого теоретического знания, деятельности. Если мы определим метод как способ исследования, способ познания в широком смысле, как совокупность средств, процедур для теоретического освоения действительности, то методологию можно определить как учение о структуре, логической организации, способах и порядке деятельности. В целом методология разворачивается в форме норм, предписаний, описаний теоретической деятельности. Если мы определим главную функцию методологического знания, то она может быть охарактеризована как принцип внутренней организации, регулирования и упорядочивания процесса познания вещей, явлений, отношений. Особое внимание в методологии уделяется совокупности исследовательских средств, подходящих для каждого данного типа явлений (физических, социальных, духовных). Выявление проблемного круга, постановка проблемы, построение предмета исследования, конструирование исследовательской программы, процедуры верификации и фальсификации – таковы последовательные шаги работы каждого методолога.

Не входя в историю становления методологии (ведущую свое начало со времен Платона и Аристотеля) выделим лишь вклад постпозитивизма в дело развития современной методологии. Со второй половины 20-го века в англоязычной философии (К. Поппер, Т. Кун, И. Лакатос и др.) вопросы методологии начинают занимать центральное место в философском анализе научного знания. В эти же годы возникает интервальная методология (Ф. В. Лазарев, М. М. Новоселов). Развивается также системный подход (Л. Бергаланфи, Э. Г. Юдин, И. В. Блауберг и др.).

Философов-методологов интересуют в первую очередь механизмы функционирования и развития знания, генезис и трансформация научных теорий, выявление «парадигм», способы построения теорий. Можно согласиться с В. Н. Шердаковым, указывающим на диалектический характер методологии, поскольку она «с одной стороны, выступает предпосылкой исследования, определяющей движение мысли к истине, с другой же стороны, она сама является итогом работы мысли над материалом, результатом исследований, не менее ценным, чем добытое конкретное содержание» [1, с. 83]. Такой «двойственный» характер методологии обусловил две тенденции в определении ее статуса. Одни ученые считают, что методология это лишь наука в ряду наук (В. А. Лекторский, В. С. Швырев) и ее можно рассматривать как логику научного познания, другие (Д. А. Керимов)

рассматривают методологию чересчур расширительно, включая в нее и мировоззренческие функции, и общетеоретические концепции, и частнонаучные методы [2, с. 33]. Известный теоретик системного подхода Э.Г. Юдин структурирует методологию, выделяя в ней следующие уровни: 1) уровень философской методологии, включающий в себя определение общих принципов познания и категориальный строй науки в целом; 2) затем следует уровень общенаучных принципов и норм исследования; 3) еще «ниже» идет конкретно-научная методология, включающая в себя совокупность методов исследования, применяемых в той или иной специальной научной дисциплине; 4) на самом «нижнем» уровне находится совокупность методик и процедур исследования, обеспечивающих эмпирическое подтверждение теории [3, с. 40-44].

Что касается методологии права, то здесь главной проблемой является обнаружение ее места в рамках методологии вообще. Большинство ученых так и не могут до конца решить, имеет ли методология права принципиальное отличие от научной методологии вообще (и в чем оно заключается), или она является разновидностью общей методологии, обладая своими особенностями, определяемыми собственной спецификой объекта, функций, целей познания.

Тем не менее, большинство специалистов как методологии в целом, так и методологии права придают статус «метапознавательной дисциплины». Например, Р. Лукич, крупный югославский теоретик права, считает, что «методология права является метапознавательной дисциплиной только в широком смысле слова, так как в узком смысле слова метапознавательной может, в сущности, считаться лишь дисциплина, исследующая суждения, из которых состоит изучаемая ею познавательная дисциплина» [4, с. 27]. То есть, методология права может быть рассмотрена на двух ее уровнях, в двух интервалах абстракции. «Она является метапознавательной дисциплиной, когда рассматривает методы философии права и специальных юридических наук. Методология права представляет собой науку первого порядка (то есть не является метапознавательной дисциплиной, метанаукой, а изучает непосредственно действительность), когда исследует технические методы права.» [4, с. 28].

Нельзя не сказать о предмете философии права, поскольку каждая самостоятельная научная дисциплина обладает не только набором специфических методов, но и своим собственным предметом, который она изучает. Что касается методологии права, то ее предмет можно определить как совокупность методов права (включая сюда и технические методы юридического познания). Формирование, отбор, сочетание этих методов, описание и демонстрация их действия и есть главная задача методологии права.

Говоря о том, что методология права имеет свой предмет, не надо забывать, что такая обширная теоретическая область как теория государства и права имеет свои «подотрасли»: теория государства, теория права, теория правосознания, философия права, социология права и др., каждая из которых обладает собственным своеобразием и методами, имея свой предмет и свои задачи. Помимо этого, теория права опирается на категории. Эти категории фиксируют связи и взаимодействие таких явлений как государство, право, правосознание. Методы и категории

определяют фундаментальные принципы «всей логической структуры теории государства и права, ее основное устойчивое теоретическое ядро» [5, с. 39]. Кроме «устойчивого теоретического ядра» есть также «подвижные элементы». Как считает А. М. Васильев, внутри логического порядка теории государства и права есть менее устойчивые элементы, не определяющиеся непосредственно ее предметом. «К ним следует отнести, во-первых, теоретические разработки, выдвигаемые потребностями общественной практики конкретного периода, и, во-вторых, те элементы, которые включились в состав теории государства и права с начальных моментов формирования правовой науки и традиционно сохраняются в ее составе.» [5, с. 40]. Функционирование основного теоретического ядра и периферийных, менее устойчивых элементов должно быть рассмотрено в динамике.

Ввиду общей тенденции уплотнения теоретических знаний, что в первую очередь связано с увеличением количества информации, а следовательно пересмотра базы данных, происходит изменение структуры научной теории. «Менее устойчивые элементы под ее воздействием могут, с одной стороны, отпочковываться, выделяться из состава теории государства и права, переходить в сферу специальных юридических наук и даже образовывать новые дисциплины, а с другой стороны, терять свое значение вообще, выпадать из научного оборота.» [5, с. 50]. Определить «устойчивость» и «неустойчивость» элементов может логико-философский анализ теории. Здесь мы сталкиваемся с определенными методологическими проблемами.

Специфика методов, применяющихся в праве, очевидна на примере социологии права. Это хорошо показывает Р. Лукич, критикуя позицию методолога права Г. Кельзена, считающего социологию совершенно отделенной методологически от методологии права. В частности, он пишет: «чтобы установить принадлежность какой-либо нормы к позитивному праву, представляющему собой социальное явление, юрист должен воспользоваться методом, приспособленным для изучения подобных явлений, то есть социологическим методом. Это, разумеется, понимает и Кельзен. И тем не менее он считает, что социологический метод является не правовым, а лишь применяемым в области права методом, и, когда юрист прибегает к нему, он занимается не правом, а социологией» [4, с. 47]. В связи с этим Р. Лукич предлагает классификацию методов Кельзена, выделявшему два ключевых правовых метода (догматический и нормативный), расширить и видоизменить в сторону интеграции с другими областями знания, такими как социология права, психология права и другими. Р. Лукич считает, что позиция Кельзена стала бы последовательной в том случае, «если бы он отнес оба эти рассмотренных выше метода к числу правовых, подразделив их на два вида – нормативно (догматически) – правовой и социологически-правовой» [4, с. 47]. Что относится к области правовых методов, а что не относится, зависит от позиции методолога. Если мы какое-либо социальное или психологическое явление будем квалифицировать как правовое, то и метод, соответствующий познанию данного явления (будет ли это социологический или психологический метод) можно с полным основанием считать правовым методом. Для того, чтобы это соответствовало действительности, нужно выделить правовую специфику данного метода. С другой стороны, нормативность

как принцип принадлежит не только сфере права, но и другим нормативным системам (религиозные нормы, этические нормы, эстетические нормы и др.), являясь, следовательно, общеметодологическим принципом.

Обнаружить специфический только для области права метод очень трудно. Поэтому неудивительно, что в ходе методологического анализа ученые часто прибегают к общенаучным методам. Наряду с другими часто используется системный подход [3]. Это вполне естественно, поскольку и на теоретическом уровне (система законов) и в практической жизни (институты законности и правопорядка, начиная с министерств и вплоть до районных и городских структур) мы имеем дело с самой настоящей системой. Для нее характерны: многоуровневость, иерархичность, жесткая последовательность и взаимосвязанность, соподчиненность. Кроме того, в области теоретической, для правовой сферы характерны обязательные для всех уровней правила интерпретации правовых актов.

Такое строение права делает целесообразным применение к нему (наряду с другими методами) системного подхода и системного анализа [6]. Системный подход представляет собой достаточно масштабное направление методологии. В основе его лежит представление о том, что любой исследуемый объект может быть рассмотрен в качестве системы, то есть некоторого множества элементов, которые находятся в таких связях и отношениях, что образуют определенную монолитность и целостность. Существуют материальные системы (объекты органической и неорганической природы), социальные системы (группы, слои, классы, государства) и абстрактные системы (гипотезы, теории). Системный подход позволяет выявить прежде всего целостность объекта, раскрыть все многообразие связей и отношений между элементами и частями системы и затем свести их в общую теоретическую схему. Если раньше (до 50-х гг. 20-го века) этот подход применялся лишь в естествознании, то позже он был внедрен в такие области как экономика, информатика, теория управления социальными процессами.

Следуя вышеизложенному, вполне очевидно, что методология системного подхода имеет перспективы и в области теории государства и права. Системный анализ представляет собой все множество методологического инструментария, необходимого для подготовки и фундаментального обоснования решений в области социальной, экономической, юридической деятельности. Особенно актуален системный анализ ввиду построения развитого демократического общества в Украине, в частности в деле развертывания и углубления экономических, политических и правовых реформ по направлению к сближению с индустриально развитыми демократическими государствами Европы. Это особенно необходимо в ходе принятия важных решений при осуществлении выбора в состоянии неопределенности, когда есть множество социально-политических факторов, не поддающихся количественному анализу. В юридической сфере стоит важная методологическая проблема координации правовой системы Украины и международного права. Это особенно ясно в ходе дебатов о возможной отмене смертной казни. Широко известно, что правовая система представляет собой достаточно упорядоченный механизм, поэтому ее эффективная работа может быть

усилена также и с помощью системного анализа. Конечно, один метод, одна методология не могут стать «палочкой-выручалочкой» для такой сложной, многофакторной сферы как сфера права. Речь может идти о синтезе методологических стратегий в деле выявления и анализа возможных альтернативных путей достижения поставленных целей. Основной задачей системного анализа является построение модели реальной ситуации и выявление вариантов решения главной проблемы.

Системный подход выражает общую современную тенденцию специализации методологического знания. «Если раньше понятие методологии охватывало преимущественно совокупность представлений о философских основах научно-познавательной деятельности, то теперь ему соответствует внутренне дифференцированная и специализированная область знания. От теории познания, исследующей процесс познавательной деятельности в целом и прежде всего – его содержательные основания, методологию отличает акцент на методах, путях достижения истинного и практически эффективного знания.» [7, с. 366]. Наряду со специализацией в рамках системного подхода существует тенденция к универсализации, без учета конкретных характеристик изучаемого явления. Дело в том, что некоторые «системщики», будучи представителями конкретно-научного уровня методологического учения, претендуют на то, чтобы представить данный подход на уровне общеправовом. Хотя в целом, повторим, во многих областях (в том числе это относится и к праву) системный подход может быть достаточно адекватным для решения многих проблем. Методология права (как и другие методологии), по мнению Р. Лукича, «находится в связи или даже входит в состав философии, поскольку методология в целом может быть включена в рамки философии в качестве части логики в широком смысле слова (если под логикой понимается учение о получении истинных суждений)» [4, с. 53]. Для исследования многогранных явлений правовой сферы весьма эффективно может применяться интервальный подход, где акцент делается на принципе точности и конкретности истины [8].

КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВА

Одним из важных методологических моментов при изучении мировоззренческих основ правовой сферы является выделение основных категорий, конструирующих правосознание. «Общий список» терминов, понятий и категорий, присущих юридической науке и философии, выявить достаточно проблематично. Но такие понятия как закон, свобода, личность, собственность, власть, насилие, гуманизм, демократия могут рассматриваться как в одной сфере, так и в другой. Так или иначе, все эти понятия должны быть отрефлексированы с тем, чтобы структурировать мировоззрение современного человека, живущего в правовом государстве. Как считает Ю. Е. Пермяков, необходимо обнаружить и описать объективированную схему правового мироотношения. «Через познание права и связанных с ним феноменов мы попытаемся понять, что происходит с нами, когда мы объективируем духовный космос в правовые поступки и институты» [9, с. 7].

Важной категорией современного правосознания является понятие «гуманизм».

Конечно, это не только правовая категория, но если можно так выразиться – «общекультурная». Все же в современной теории права, она занимает ключевое место, наряду с такими понятиями как «либерализм», «демократия», «права человека». Известный теоретик права С. С. Алексеев даже ставит категорию «гуманизма» в центр мировоззренческой схемы правового сознания. Он полагает, что мировоззренческой, философской основой теории права является «гуманизм, общецивилизационные гуманитарные взгляды, конструктивные либеральные воззрения» [10, с. 23]. Конечно, гуманизма «вообще» не существует, но есть исторически и культурно определенные формы гуманизма, имеющие свое реальное эмпирическое наполнение. Современный гуманизм центрирован на правах человека, высшей ценности современного демократического государства. В свою очередь, права человека выражают в правовой форме одну из главных универсальных ценностей человека – принцип свободы. В противоположность необходимости (природной, социальной) свобода позволяет человеку не быть абсолютно подчиненным определенной сумме обстоятельств. Свобода всегда предполагает некоторый выбор возможностей или отказ от возможностей. Выражение «лишение свободы» в юридической практике указывает на степень наказания, которая (после отмены смертной казни во многих современных странах) отождествляется с «высшей мерой» наказания. С. С. Алексеев выделяет положительную сторону свободы, состоящую «в беспрецедентной и оптимистической возможности развития на основе разума» [10, с. 24] и отрицательной, заключающейся в перспективе «значительного отрыва общества от природы» [10, с. 24].

Гармоническое соотношение «свободы для себя» и «свободы для других» является одной из важнейших методологических проблем философии права. В действительности очень сложно найти границу того, где заканчивается «моя свобода», а где начинается свобода другой личности. В реальной жизни мы сталкиваемся с этим, когда звуки музыки одному человеку приносят радость, а другому, находящемуся рядом, – мучение. Решить эту конкретную проблему весьма сложно, поскольку тут мы сталкиваемся с «субъективным фактором». По мнению В.В. Шкоды, необходимо отличать свободу как переживание и свободу как теоретическую конструкцию [11, с. 53].

Еще одной важной категорией является понятие собственности. Также, как и другие правовые понятия, «собственность» имеет конкретно-исторические координаты. Но если мы выделим главный, инвариантный принцип собственности, то очевидно будет, что это прежде всего владение чем-либо или кем-либо (в Риме, например, раб считался «говорящей вещью»). Имеются различные формы собственности: частная, общественная, государственная, но главный момент, это владение, власть, реализуемая в конкретных обстоятельствах. Как считает С. С. Алексеев: «Собственность имеет первостепенное значение в жизни общества тогда, когда она выступает в виде персонифицированной, частной собственности. Именно тогда она является своего рода продолжением человека, становится источником его силы и могущества в вещах, в природе...» [10, с. 25]. Здесь также есть два аспекта: негативный и позитивный. Ведь собственностью можно злоупотреблять (господство

над людьми), но можно использовать ее на благо людям.

Следующая категория, находящаяся на пересечении интересов права и философии – власть. В соответствующей литературе советского периода, в основном, власть отождествлялась с функцией управления. Эта философская точка зрения нашла свое отражение в «Философском словаре» вышедшем в 1981 году [12, с. 53]. Конечно, власти присуща функция управления, но ею она не исчерпывается. Управление это некоторая совокупность технических, достаточно стереотипных, действий. В то время как власть в своей основе имеет волевые характеристики и управление лишь используется властью, являясь ее инструментом. «Власть предполагает свободного субъекта, обладающего самостоятельной волей и специфическими интересами» [9, с. 60]. В зависимости от той или иной личности (или политической элиты), от интересов «партии власти» режим может быть авторитарным, демократическим, либеральным, или каким-то еще. Философские проблемы власти поднимались в древности Платоном и Аристотелем, а позже Макиавелли, Гоббсом, Гегелем, Марксом. В зависимости от социально-философских предпосылок эти мыслители либо оправдывали существующий правопорядок, либо доказывали его неправомочность.

Несмотря на различия в трактовках института власти, они были едины в том, что такой институт необходим, поскольку всегда есть в обществе те, кто осуществляет властные функции, организует социально-экономическую и политическую жизнь, и есть те, кто исполняет соответствующие указания и приказы. Категория власти выражает существующие в любом обществе отношения господства и подчинения. В этом заключается рациональность и целесообразность власти. Она «необходима и имеет положительный характер как средство обеспечения организованности общества, его существования и развития в качестве единой целостной системы» [10, с. 24]. Власть нельзя понимать только как отчужденную от людей силу. Закон и власть, как и законы природы сами по себе не являются плохими или хорошими, добрыми или злыми. В христианском мировоззрении, например, власть ассоциируется со злом, поэтому радикальное христианское учение в интерпретации Льва Толстого, ориентировано не на реальное общество и общественные интересы, а на заповеди Христа. Принципы теократии, построение государства на религиозных принципах тоже есть реализация власти, но на религиозной, а не светской основе.

В любом случае, власть также имеет свои плюсы и минусы. К негативным чертам власти можно отнести: авторитарность управления, гиперцентрализацию властных функций, бюрократизацию, тенденцию полного подчинения личности, использование личности в государственных целях. Особенно вредит институту власти то, что она начинает использоваться в эгоистических интересах отдельных групп, личностей, национальных кланов, отдельных социальных классов. С другой стороны, без осуществления власти невозможен элементарный порядок, что может привести к социальному хаосу, массовым насилиям, гражданской войне. Об этом, еще в XVII веке предупреждал Гоббс, анализирувавший такое общественное состояние, как «война всех против всех». Власть – это не только что-то «внешнее», ее позитивный (как и негативный) характер обнаруживается и на личностном

уровне. По мнению Ю. Е. Пермякова, власть не только может ущемлять интересы человека, но и способствует ее личностному росту. «Власть не только интегрирует общество, но и вынуждает к интеграции личность человека, который, взаимодействуя с властными структурами, конституирует себя как целое» [9, 64]. Помимо этого власть и право объективно упорядочивает и дисциплинирует общественную жизнь и поведение отдельного индивидуума [11, с. 145].

Если же рассмотреть методологическую проблему соотношения власти и права, то на примере становления европейской государственности (а она распространила свое влияние на многие другие регионы) очевидным будет тот факт, что власть, постоянно находясь в конфликте с правом (вспомнив назначение любимого коня императора Калигулы членом сената), постоянно отступала. Только право есть граница власти и безвластия. Власть стремится использовать правовые механизмы для своего укрепления, однако это возможно только до тех пор, пока власть легитимна, опирается на широкие круги населения и исторически оправдана. Она не может существовать на «пустом месте». «Власть нуждается в социальной энергии, поскольку без предпринимательской, политической, культурной и духовной деятельности людей отпадает потребность в каком бы то ни было управлении» [9, с. 73]. При злоупотреблениях властью, при переходе к диктатуре, имеется тенденция превращения «энергии масс» во вред народу и государству в целом (можно вспомнить результаты «коллективизации», «индустриализации», «поднятия целины», «поворота рек» и т.д. в бывшем СССР). Итак, в отношении такого общественного явления как власть можно сказать, что она позитивна, если конструктивна и основана на принципе уважения и защиты прав человека. На двух полюсах власти находятся тоталитаризм (гипертрофированная власть и, как следствие, чрезмерность насилия на всех уровнях) и анархизм (формальная абсолютная свобода для всех, оборачивается на деле правовым хаосом и «беспределом»).

Известный норвежский криминолог Н. Кристи напрямую связывает институт власти с причинением боли. Он считает, что те, кто обладают властью, могут раздавать боль, страдания. «Власть означает возможность заставить других людей делать то, что вы хотите, чтобы они делали, независимо от их собственного желания» [13, с. 90]. Совсем другое положение будет в области применения власти к «безвластным» гражданам. «Люди, не обладающие властью, находятся в совсем ином положении. Если они не пользуются покровительством и не обладают силой, задача боли не представляет для них привлекательную альтернативу» [13, с. 90]. Н. Кристи, рассматривая данную проблему, приходит к выводу, что власть необходима, это, конечно, неизбежное зло, но «власть должна контролироваться» [13, с. 92]. Весь вопрос тогда заключается в том, кто будет контролировать того, кто контролирует, ведь вечных гарантий в честности или компетентности той или иной контролирующей инстанции никто дать не может. Существует, конечно, такой универсальный институт как общественное мнение, однако исторический опыт показывает, что этим мнением можно ловко манипулировать и склонять его в ту или иную сторону с помощью подачек, СМИ, а то и просто грубого давления той же власти. В то же время, институты западной демократии постоянно

совершенствуются с тем, чтобы контролировать по мере возможности ситуацию в области права человека (ООН, Европейский парламент, Совет по правам человека и др.)

Теория права должна обеспечивать объективное познание правовых норм и правоотношений. Отсюда можно сделать вывод, что с помощью теоретического философского анализа правовая наука получает возможность не только объективировать явления и отношения, находящиеся в рамках государства и права, но и анализировать тенденции их развития в ближайшей перспективе.

Кроме понятийного аппарата чисто правового поля, существуют понятия и категории, сопредельные с такими дисциплинами как социология («уровень преступности», «криминогенные районы» и др.), этика («справедливость», «нравственность», «безнравственность», «гуманность» и др.) и конечно же философия («гуманизм», «свобода» и др.) В контексте данной работы конечно же на первый план должны быть выдвинуты такие правовые категории, как «гражданин», «обязанность», «закон», «соблюдение закона», «правовые нормы», «преступление», «наказание». Эти понятия не являются чисто правовыми, что с очевидностью доказывается тем, что многие литературно-философские произведения в названии содержат такие понятия («Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского).

По мнению А.М. Васильева правовые категории необходимы потому, что они «создают своеобразие и качественную определенность научного правового мышления и правовой идеологии в целом» [5, с. 61]. Можно сказать, что «понятийный аппарат теории права и правовые категории – это средство постижения и выражения правовой действительности» [5, с. 60]. Не категориальное, а эмоционально-волевое решение правовых вопросов ведет в злоупотреблениям и волюнтаризму. А это, в свою очередь, является одним из факторов, порождающих конфликтные ситуации в политической, экономической и социальной реальности.

Список литературы

1. Шердаков В. Н. Этика и нормативность. // Вопросы философии, 1992, № 2.
2. Керимов Д. А. Философские основания политико-правовых исследований. – М.: Мысль, 1986
3. Юдин Э. Г. Системный подход и принцип деятельности. – М.: Наука, 1978.
4. Лукяч Р. Методология права. – М.: Прогресс, 1981.
5. Васильев А.М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. – М.: Юрид. лит.-ра, 1976.
6. Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. – М.: Наука, 1973.
7. Философский энциклопедический словарь. – М.: Сов. Энциклопедия, 1983.
8. Кураев В.И., Лазарев Ф.В. Точность, истина и рост знания. – М.: Наука, 1988.
9. Пермяков Ю.Е. Лекции по философии права. – Самара: Изд. «Самарский университет», 1995.
10. Алексеев С. С. Теория права. – М.: Изд. БЕК, 1995.
11. Шкода В. В. Вступ до правової філософії. – Харків: Фоліо, 1997.
12. Философский словарь. – М.: Мысль, 1981.
13. Кристи Н. Пределы наказания. – М.: Прогресс, 1985.